

ЭО, 2010 г., № 6

© **Е.В. Попова**

УДМУРТЫ В ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ СЕЛЕНИЯХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ: ОПЫТ СОСЕДСТВА*

Ключевые слова: межэтническое взаимодействие, Урало-Поволжье, удмурты, этнически смешанные селения, идентичность, адаптационные процессы

Вопросы пространственной организации этнически смешанных селений, идентичность удмуртов, брачные ареалы и предпочтения, языковая ориентация и функционирование родного (удмуртского) языка, взаимодействие удмуртов с другими народами, проявляющееся в обрядах и сфере материальной культуры, находятся в центре внимания автора настоящей статьи.

Опыт соседства удмуртов с представителями других народов в полиэтничных регионах, в числе которых и Урало-Поволжье, демонстрирует практику выстраивания межкультурного диалога в условиях смешанных селений, иноэтничного и поликонфессионального окружения. Так, по данным переписи 2002 г., из 560 764 удмуртов, проживающих в Урало-Поволжье, в Удмуртской Республике значилось 460 584 человек, что составляет 72,3% от численности удмуртов по Российской Федерации; остальные 100 180 человек расселены за ее пределами. Наиболее компактные и многочисленные группы исторически проживают в Пермской обл. – 26 272 человек, в Татарстане – 24 207, в Республике Башкортостан (далее – РБ) – 22 625, в Кировской обл. – 17 952 (Национальный состав и владение языками 2004).

Межэтническое взаимодействие “периферийных” удмуртов было предметом внимания и рассматривалось как важный фактор, определивший их этническое своеобразие (Владыкин 1970; Чагин 2005; Черных 1995, 2005, 2006; Шедя-Зорина 2005, 2007). Идентичность, история формирования и расселения, современные межкультурные контакты были предметом изучения в рамках проекта “Удмуртская диаспора в субъектах Российской Федерации различного типа”, итоги которого вошли в специальный сборник (Смирнова, Губогло и др. 2008). В результате хозяйственной и экономической специфики, консервации архаичных элементов, заимствований сформировались особенности в материальной культуре (Крюкова 1967; Лойко 1990; Косарева 2000; Садиков 2001), традиционных представлениях, культовой практике, календарных обрядах (Христолюбова, Миннихметова 1994; Черных 1995; Миннихметова 2000; Садиков 2006). Соседство удмуртов в этих регионах связано с доминированием татарского, русского, татарско-русского окружения, что оказало существенное влияние на язык. Так, для удмуртов Закамья наиболее характерны полилингвизм и татаро-удмуртское двуязычие (Кельмаков 1970, 1974; Насибуллин 1972; Тараканов 1993 и др.).

Взаимодействие удмуртов с представителями других народов наиболее интенсивно происходит в смешанных селениях. Однако такие селения и протекающие в них процессы впервые стали предметом внимания в рамках специального проекта (Короистелев 2007а; Попова 2007; Садиков 2007; Ягафова 2007).

Елена Васильевна Попова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН; e-mail: popova@ni.udm.ru

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 06-01-00204а).

В ходе экспедиции 2008 г. рассматривались селения с наиболее распространенными вариантами соседства: удмуртско-татарское, удмуртско-русское, удмуртско-татарско-русское. Учитывались и другие факторы – конфессиональная ситуация, культурные и языковые особенности в регионе и селении, преобладающее этническое окружение, степень и продолжительность межкультурных контактов, численное соотношение соседствующих народов, история межэтнических взаимоотношений.

Выбор селений в Закамье определили доминирование татарского языка и культуры, конфессиональная ситуация. Это селения, где татаро-язычные удмурты-мусульмане (в переписи 2002 г. указаны башкирами) проживают с татарами-мусульманами (с. Гарибашево Татышлинского р-на РБ); удмурты-“язычники” с татарами-мусульманами и русскими-православными (с. Кизганбашево Балтачевского р-на РБ). Взаимодействие в полиэтничных регионах с преобладающим влиянием русского языка рассматривалось на примере завятских удмуртов и южной группы удмуртов в Кировской обл. В маршрут вошли селения, где живут православные удмурты и русские (д. Виноградово Вятскополянского р-на); удмурты-православные, татары-мусульмане и русские-православные (д. Дым-Дым-Омга того же района); уступая по численности, удмурты находятся в соседстве с татарами-мусульманами, православными русскими и марийцами (с. Новая Смаиль Малмыжского р-на). Рассматривались удмуртские селения в полиэтничном окружении, но с небольшим иноэтничным составом в результате браков (с. Пор Китяк и Удмурт Китяк Малмыжского р-на).

Особенности пространственной организации этнически смешанных селений.

Поиск оптимальных способов выстраивания соседства начинается с момента возникновения смешанных поселений. Это касается освоения среды и распределения природных ресурсов и равных возможностей доступа к ним, регламентации пространства хозяйственной деятельности, определения социальных и культурных связей, разграничения или формирования общих культурных объектов. Некоторые селения удмуртов с самого начала возникают как смешанные (с. Гарибашево), другие – в результате подселения иноэтничных соседей (с. Виноградово) или объединения ближайших поселений (селения Кизганбашево и Покровка). Эти процессы происходят и в наши дни. Полиэтничными становятся центры сельских администраций или колхозов в результате переселения из деревень округи (с. Новая Смаиль, д. Дым-Дым-Омга).

На этапе возникновения смешанных селений отмечается стремление представителей разных этнических и конфессиональных сообществ к формированию моноэтничной части – улицы, “конца” и восприятие их как “своей” территории. Границы этнических или конфессиональных “концов”/улиц обычно ничем не обозначены, но жители знают, где заканчивается “чужая” улица и начинается “своя”: *“Здесь удмурты живут, а там русский конец. Мы в том конце и сейчас не селимся, а русские здесь не строят”* (д. Виноградово), *“В этой части одни удмурты жили, а там за мечетью татарская улица. Это не только сейчас, так с давних времен”* (с. Гарибашево). Иногда границей могут служить ландшафтные объекты – лог, ручей, овраг: *“Там за логом русская Покровка, здесь живут удмурты, а ниже татарская улица”*, *“Одна деревня. Нас только лог разделяет”* (д. Кизганбашево). Но в качестве границы редко используют какие-либо сооружения, как, например, ворота в виде арки в д. Гарибашево, которые стояли на границе удмуртской и татарской частей деревни. На них вывешивали информацию, прикрепляли радио, их украшали в праздники лентами и транспарантами:

«В деревне были татарский и удмуртский концы. Между ними стояли ворота. Они с давних пор. На них висело колхозное радио-громкоговоритель. В начале восьмидесятых один тракторист нечаянно наехал на них и снес. Смеясь, жители сказали: “Ну, что наделал? Теперь соединил удмуртов и татар”» (ПМА 1).

В “своей” части поддерживались соседские, родственные взаимоотношения. В контексте традиционных религиозно-мифологических представлений удмурты здесь формировали сакральное пространство, которое включало священные рощи, места молений, кладбища, культовые сооружения. Эти объекты и сейчас воспринимаются

как этнически значимые, свидетельствуют об “удмуртских корнях”, служат доказательством прежних территориальных делений. Например, в д. Виноградово, где проживают русские и православные удмурты, почитаемые объекты удмуртов (роща для молений *керемет*, культовое сооружение *коа/куала*), где проходили моления, находились в удмуртской части. Они считались “удмуртскими”, несмотря на участие в обрядах русских соседей. Места, известные как “православные святыни”, были общими. Это родник *сед ошмес* (букв. “черный родник”), который был источником питьевой воды; с ним связано возникновение деревни. Одно из названий д. Виноградово – *Сед ошмес* (букв. “Черный родник”) / *Шедошмес Омга* (“Черный родник рода/деревни Омга”). Вблизи него находилась часовня – крест и полка с иконами. К источнику за водой на второй день свадьбы приходили молодухи, оставляя в дар полотенца, отрезки тканей. Традиции придерживались русские и удмурты, хотя в данной местности такой обычай считается удмуртским. За крещенской водой и лечения болезней приходят все жители (ПМА 7).

Знаковыми объектами, формирующими сакральный ландшафт смешанных селений, были и остаются культовые сооружения. Например, в удмуртско-татарско-русской д. Кизганбашево в русской части – православный храм, на татарской улице – мечеть. В удмуртской части располагались культовые объекты *куала* – небольшие площадки с растущим деревом (некоторые огорожены), принадлежащие разным родственным объединениям. В деревне было два кладбища – православное в русской части и за пределами селения общее кладбище татар-мусульман и удмуртов-“язычников”, разделенное пустующим участком (ПМА 2). Жители смешанных селений хорошо осведомлены о расположении, правилах поведения в отношении святынь соседей.

Стремление к формированию моноэтнических частей наблюдается в смешанных селениях позднего происхождения (центры сельских администраций). Новые улицы / «концы», несмотря на официальные названия, обозначаются по этнической принадлежности или по названию деревни, откуда преобладающая часть переселенцев. Стремления к формированию “своих” территорий не отмечается в условиях современного размывания этнических границ. Однако желание сохранить “свое” пространство удмурты рассматривают, как возможность приостановить активные процессы интеграции, создающие угрозу сохранению языка и этнической специфики (д. Дым-Дым-Омга).

В смешанных селениях возникают места, где происходит общение и взаимодействие соседствующих групп. Это учреждения сферы образования, социально-культурные объекты, администрация поселений, хозяйственные комплексы. В селениях, где жители одного вероисповедания, это культовые объекты (храм, мечеть). Такие объекты устанавливались или формировались на границе этнических или конфессиональных частей, возникали на новой площадке. Главным был принцип «равного доступа» для соседствующих групп.

Существование территориальных границ в полиэтничных сельских сообществах объясняют процессами заселения, семейно-родственными и соседскими узами, в привычном в плане языка, религии и культуры окружения. Эта территориальная особенность сохраняется на уровне коллективной памяти, восприятии пространства, топонимике, исторических преданиях, даже при утрате языка и этнической специфики в культуре.

Этническая идентичность в условиях смешанных селений. У удмуртов в результате активной межкультурной интеграции происходят разные процессы: смена идентичности или, наоборот, ее сохранение даже при утрате языка и этнически значимых элементов культуры. Возможны и промежуточные варианты, когда изменения касаются какого-то одного или нескольких параметров, затрагивая их в разной степени. Единых моделей, по которым развивается такой процесс, нет. В каждой конкретной ситуации механизм и результаты имеют свою специфику. Решающую роль может играть как один фактор, так и их совокупность.

Примером утраты этнически важных параметров, как язык, костюмный комплекс, пища, традиционные мировоззрения и мифология, обряды и в целом самосознание,

может служить ситуация в д. Гарибашево. Она заслуживает более детального изложения, и на этом примере можно проследить причины, процессы и механизм смены идентичности. По переписи 2002 г. в деревне 92% населения составляют башкиры. По вероисповеданию жители – мусульмане. Процессы «отатаривания» здесь имеют давнюю историю. Селение как смешанное значилось еще в середине XIX в., численное соотношение обоих народов было примерно одинаковым. Так, по данным на 1870 г., отмечено 69 дворов, где удмуртов – 269 человек, башкир – 243 (Списки населенных мест 1877: 69). Процессы смены этнической идентичности продолжались и в начале XX в., но был важный сдерживающий фактор – религиозный. По сведениям на 1912 г., здесь проживало 916 удмуртов-мусульман, 78 удмуртов-язычников, 16 русских (Наиболее важные статистические сведения об инородцах 1912: 192).

Сейчас гарибашевцы считают себя башкирами или татарами, одновременно башкирами и татарами, но помнят о своих удмуртских корнях: *“Все жители по документам и переписи башкиры. Многие считают себя татарами. Отатарившиеся удмурты, записанные башкирами, помнят, что они из удмуртов”*; *“Я говорю, что я удмуртка, а по документам татарка”* (ПМА 1). Однако в глазах жителей окрестных деревень гарибашевские башкиры или татары-мусульмане остаются удмуртами: *«Кругом говорят “Гарибаш – удмуртская деревня!”»*; *“Всегда нас считали арлар (экзоэтноним), который в этом регионе используется татарами для обозначения удмуртов. – Е.П.), удмуртской деревней”* (ПМА 1).

Оценка собственной идентичности у гарибашевцев неоднозначна, даже несмотря на активную интеграцию в пространство татарской культуры и утрату языка: *“Мы не удмурты и не татары!”*, *“Были настоящие удмурты. Замуж сюда выходили. А так, тут не настоящие удмурты и не настоящие татары”* (ПМА 1). Гарибашевцы, отмечая свое “нетатарское” происхождение, говорят, что они “удмурты по крови”. Проблема определения идентичности, несмотря на, казалось бы, очевидную для большинства ясность, на бытовом уровне находится в пространстве активной дискуссии, что свидетельствует о незавершенности процесса. В целом ситуация воспринимается как результат сложившегося соседства, конфессиональной истории.

Этнические границы здесь размыты настолько, что выделение “ненастоящих гарибашевских татар”, а в прошлом удмуртов, происходит на уровне экзоэтнонима. Гарибашевских женщин соседи называют *экей* (экзоэтноним, который используется по отношению к женщине в некоторых селениях Закамья. – Е.П.). Мужчин и вообще жителей Гарибашево еще называют *арлар* и *ор/орлар* (зафиксированы все варианты): *«Тут уже все татары или башкиры, но все равно нас другие деревни считают удмуртами... К жителям нашей деревни обращаются: экей или арлар, что значит “удмурты”. А мы тут по-удмуртски давно не говорим»* (ПМА 1). Экзоэтнонимы *арлар* и *ор/орлар* гарибашевцы используют и в качестве самоназвания, в разговоре по-русски употребляют этноним “удмурт, удмуртлар”.

Антропологические особенности, в том числе стереотипные представления о светложих и рыжеволосых удмуртах, жители приводят в качестве доказательства своих “нетатарских корней”: *«Кто светлее, мы говорим “арлар”, значит, удмурт. Я сама говорю, что я удмуртка»*; *“Удмурты в основном рыжие, и светлее. В сравнении с другими у нас в деревне светлее”*, *«Местные жители не считаются удмуртлар – удмуртами. А рыжие все равно здесь появляются. Если рыжий, светлый, то значит – удмурт. “Орлар, ор” его называем. Вот, орлар! Значит, удмурт родился!»* (ПМА 1).

Родной язык гарибашевцев – татарский; удмуртского здесь не знают. Однако по оценке жителей соседних деревень и самих гарибашевцев, их речь отличается от языка “настоящих татар” округи. Эти различия незначительны, касаются интонационных и ряда лексических особенностей: *“Язык местный немного отличается своеобразием. Чисто татарской культуры нет”*. Молодежь и среднее поколение билингвы, для них характерно татаро-русское двуязычие, но доминирует татарский, который является и

языком межэтнического общения. В качестве родного языка в школе изучали татарский язык, с 2008 г. – башкирский.

В качестве доказательства “удмуртского” происхождения приводят исторические и генеалогические предания. В Гарибашево помнят, что деревню в конце XVII – начале XVIII в. основали удмурты. Сюда, выбрав высокое место в окружении лесов, переселились семьи из рода Янсит с берегов Таныпа (из д. Ксия – ныне Касиярово Бураевского р-на РБ). Сейчас оно известно как гора Янсит или *иске йорт* (“старый дом”). Позже, как гласит предание, пришли еще три удмуртских рода – *Тукморзы*, *Четкер*, *Байсит* – и поселились на трех разных возвышенностях, которые носят их имена. Затем два рода – Тукморзы и Четкер – объединились и основали Гарибашево (ПМА 1: Матер. школьного музея). В качестве доказательства удмуртского происхождения приводят соответствующие топонимы: “*Это удмуртские названия. Просто так они не могли здесь появиться. Удмурты здесь жили*” (ПМА 1).

Религиозно-обрядовая сфера, семейная и календарная обрядность развиваются в контексте мусульманской культуры и локальной татарской традиции. В процессе исламизации удмурты утратили традиционные культы: “*Ничего божественного в деревне, кроме мечети, нет*”. Жители еще помнят места (участки в черте огородов), где стояли удмуртские культовые объекты. Эти площадки не застраивают. Местной особенностью считают обычай хоронить по-мусульмански в саване, но в гробу, который заменил колоду из луба. Специфика сегодня, по мнению жителей, связана уже с деревенским образом жизни, а не с этническими особенностями: “*Удмуртской культуры здесь уже нет. Это уже не по-татарски и не по-удмуртски, а по-деревенски*” (ПМА 1).

На примере д. Гарибашево прослеживается практическая полная идентификация удмуртов с татарами и башкирами, утрата языка, традиционных представлений и культов, этнически окрашенных элементов материальной культуры, а информация об удмуртских корнях сохраняется и поддерживается на уровне коллективной памяти, но оставаясь актуальной для жителей этой конкретной деревни.

Иначе ситуация складывается в д. Кизганбашево, где живут татары-мусульмане, удмурты-“язычники”, несколько русских семей. Деревня состояла из трех частей – русского с. Покровки, удмуртской части – собственно Кизганбашево; на отдельной улице *тугай урам* жили татары. По преданию, деревню основали удмурты, которые, “*убегая от крещения при Иване Грозном, пришли в эти места*”, а “*русские сюда из разных мест собрались*”. По данным на 1870 г., здесь значилось 80 дворов, где проживали 406 удмуртов, 31 башкир, один русский (Списки населенных мест 1877: 93). В начале XX в. в деревне было 660 удмуртов-“язычников”, 160 – удмуртов-мусульман (Наиболее важные статистические сведения об инородцах 1912: 188). Удмурты активно интегрировались в иноэтничную культуру, сохранили самосознание, язык, важные параметры религиозно-мифологической системы, костюмный комплекс.

Сохраняя язык, удмурты свободно говорят на татарском и русском. Наблюдается удмуртско-татарский билингвизм с тенденцией к доминированию татарского языка в пределах семейного общения. Иногда это выражается в свободном переходе с одного языка на другой в ходе беседы или даже построении предложения. Татары владеют удмуртским, а русские понимают и говорят на языках своих соседей. Однако русский язык по степени актуальности уступает татарскому. В школе изучают татарский и удмуртский языки, как государственный – башкирский. Некоторые дети из смешанных семей по желанию изучают два языка – татарский и удмуртский.

Смена этнической идентичности у удмуртов в удмуртско-татарских селениях происходит быстрее, когда преобладает совокупность факторов. Это активная исламизация, доминирование татарской культуры в разных сферах (материальная культура, календарные и семейные обряды, традиционные представления), двуязычие и полилингвизм с дальнейшей языковой ассимиляцией и утратой языка, сужение брачного ареала из-за численного меньшинства и разного вероисповедания.

Сдерживающим фактором служит разная конфессиональная принадлежность соседствующих групп. В этом случае смены этничности не происходит или эти процессы не так интенсивны, даже при численном меньшинстве удмуртов, полилингвизме, а иногда полной культурной ассимиляции. Подобная ситуация наблюдается в селениях, где с татарами-мусульманами живут удмурты-“язычники” или удмурты-православные. Процессы развиваются иначе в ситуации удмуртско-русского соседства. Здесь даже в условиях общности вероисповедания, удмуртско-русского двуязычия с тенденцией к доминированию русского языка в общественной и порой семейной сфере сохраняются этнически значимые компоненты культуры, традиционные культы и самосознание (Виноградово, Дым-Дым-Омга). Важным сдерживающим фактором являются активные соседские и родственные взаимоотношения с представителями своего этноса.

Брачные ареалы и предпочтения. Показатель процессов межэтнического взаимодействия в смешанных селениях – брачные предпочтения и взаимоотношения удмуртов. Удмурты стремятся сохранить исторически сложившийся брачный круг с представителями своего этноса, несмотря на активные, в сравнении с моноэтническими селениями, межэтнические браки: *“Местные удмурты в основном жен брали из соседних удмуртских деревень... В гостях знакомились. Браки с татарами давно встречались. Здесь не были против”* (ПМА 2). Брачный ареал иногда охватывает несколько десятков километров, и эти связи поддерживаются гостевыми и родственными отношениями (Кизганбашево, Дым-Дым-Омга, Виноградово, Пор Китяк, Удмурт Китяк).

Формирование нового брачного ареала при изменении вероисповедания, уменьшении численности, удаленности удмуртских деревень происходит постепенно. Информация о деревнях, где “сватали невест, и куда выдавали замуж”, утратив актуальность при изменении брачных предпочтений, сохраняется на уровне коллективной памяти. Например, гарибашевские башкиры/татары удмуртского происхождения помнят, что прежде выходили замуж и брали невест только из удмуртских деревень: *“Сейчас мы себя не считаем удмуртами, а татарами. Но браки у местных удмуртов были с удмуртами”*; *“Невест старались из удмуртских деревень привозить”* (ПМА 1). “Поиск” брачного партнера в удмуртских селениях для гарибашевцев не утратил своей актуальности и в наши дни.

Конфессиональные различия могут ограничить выбор партнеров. Так, брачные предпочтения кизганбашевских удмуртов-“язычников” направлены на представителей своей этноконфессиональной группы. Браки удмуртов с представителями других народов происходят чаще, если нет религиозных различий: *“Удмурты, марийцы и русские – одной веры. Они чаще смешиваются”* (ПМА 5).

Брачные связи может изменить и другой процесс: разрушение традиционных брачных ареалов у соседей, когда поиск партнеров происходит за пределами группы и касается удмуртов. Вот как расценивает такую ситуацию русский житель д. Кизганбашево:

“У нас зятя и татары, и удмурты. У меня семеро детей. Они у нас все языки знают: и татарский, и удмуртский... Мы всегда здесь дружно жили... Сами на удмуртском и татарском не говорим, но понимаем. Переводчика не надо. Шесть дочерей. Надя за удмурта, у Любы муж – удмурт, у Зои – татарин, у Вали – татарин, у Светы – русский. У Нины [муж] наполовину удмурт, наполовину татарин. У сына жена – удмуртка. У нас крещеные дети. Зятевья некрещеные удмурты и татары-мусульмане... До переселения сюда не помню, чтоб на других женились. Было, но мало. Раньше большой грех был. Не своя вера. Раньше, спаси боже!” (ПМА 2).

Расширение родственных связей за пределы своего этноса расценивается как позитивный опыт соседства, взаимной межкультурной интеграции. Эта ситуация с самого начала предполагает взаимодействие разных традиций, которое начинается уже с момента сватовства, знакомства сторон, решения обычно-правовых норм (приданое, наличие или отсутствие калыма и его размер). Стороны решают вопрос, как будет оформлен брак: по мусульманской или православной традиции, не исключение – обе формы и гражданская регистрация. Если один из супругов мусульманин, то совершается обряд

никах (практикуется чаще, если муж – мусульманин). Подобная церемония встречается, если жена удмуртка-мусульманка или из смешанной удмуртско-татарской семьи, а муж – православный или “язычник”. Обряд не приводит к смене религии, более того, не запрещает соблюдение православных или “языческих” обрядов, воспитания детей в разных традициях. Удмурты-“язычники” и православные, как и их соседи, в совершении этих церемоний не видят религиозных противоречий; более того – стороны расценивают их как гарантию счастья и прочности семейных уз (ПМА 2, 5).

Свадьба предполагает соблюдение обеих традиции, стороны обговаривают существенные различия в обрядах и этикете. Обычно, если удмуртка выходит замуж за представителя другой национальности, обряды в ее семье, застолье, прощание с родными проходят “по-удмуртски”, а вторая часть свадьбы – пиры в доме жениха, испытания молодых, вручение подарков, приобщение к семейным культам по другой традиции. А когда муж – удмурт, то все наоборот, вторая часть свадьбы – “удмуртская”. В смешанных селениях такая трансформация – обычное явление и происходит по привычной и отработанной за длительное время соседства схеме.

Взаимодействие в смешанных семьях наблюдается на всех важных этапах их существования. Оно касается родильных обрядов, выбора имени, воспитания детей, передачи культурных традиций (языка, религии), а если супруги разного вероисповедания, то и вопроса, где и как их похоронить. Здесь имеет значение религиозная и этническая принадлежность мужа: *“Если муж татарин, то жену удмуртку будут хоронить рядом с мужем. А жену татарку рядом с мужем”* (ПМА 2).

Знание этнических и конфессиональных традиций соседей, степень их соблюдения касается и повседневной жизни. В качестве позитивного примера приводят семьи, где соблюдают разные традиции, умеют выстраивать отношения:

“Случается и татары [в женах]. В этой деревне живут, она татарка [мусульманка], он удмурт. Он уважает ее обычаи. У нас, например, есть национальное... Еда такая. Она печет блины по-удмуртски. Он (муж – удмурт, православный. – Е.П.) ходит в мечеть, бывает. И наоборот. Бывает же... Как это у вас? Яйца-то катают. Пасха... Она накрастит яйца. Угощает там всех. Она уважает его веру, он уважает ее веру. Разногласий каких-то не бывает на этой почве” (ПМА 5).

Смешанные браки воспринимаются как норма и не считаются нарушением брачных предпочтений, особенно когда налицо общая культурная традиция, полилингвизм, сложившиеся ранее родственные связи. Благодаря знанию культурных и религиозных традиций соседей адаптация в таких семьях происходит легче. Однако и в этом случае удмурты отдают предпочтение бракам в своей этнической среде. Важным фактом является наличие “своего” ареал, даже несмотря на браки с представителями других народов и позитивное отношение к ним. Сохранить родственные, коммуникативные, конфессиональные связи с удмуртскими селениями позволяет ситуация, когда “все невесты привозные”. Стремление к бракам в своей этнической среде объясняется исторической и культурной традицией, представлением о более устойчивых семейных и родственных узах, которые люди связывают с близостью культуры и языка, иногда стереотипными представлениями.

Языковая ориентация и языковое поведение. Удмурты в смешанных селениях обычно билингвы или владеют тремя и более языками; здесь отмечается и разная степень актуальности родного языка. Знание языков соседей необходимо, если они используются в сфере межэтнического общения. Ситуация удмуртско-татарского двуязычия характерна для Закамья, некоторых завятских групп и собственно южных удмуртов в полиэтнических селениях, где они находятся в соседстве с татарами, но в регионах с доминированием русского языка (с. Новая Смаиль).

Вопрос: Здесь разные народы. На каком языке говорите друг с другом?

Информант: А у нас все тут татары. (Смеется). Удмурты, марийцы, русские – все знают татарский. Хорошо разговаривают... И русские говорят по-татарски хорошо... Кто в этом ре-

гионе проживает, все по-татарски знают. Как бы международный язык у нас татарский... Ну, русский язык на втором месте по использованию. И документацию ведем на русском (ПМА 5).

Информант (удмурт): На татарском языке говорим. В одном совхозе у нас четыре нации – татары, русские, марийцы, удмурты. И вот у них общий язык-то татарский. Здесь его многие знают (ПМА 4).

Удмуртско-русское двуязычие встречается в регионах, где он является языком межэтнического общения (Дым-Дым-Омга, Виноградово, Удмурт Китяк, Пор Китяк). В полиэтнических селениях старшее поколение хорошо знает языки соседей (татарский, марийский, чувашский), что реже встречается среди молодежи. Ее межэтническое общение все чаще происходит посредством русского.

Наблюдается и полная утрата родного языка. Так, в Гарибашево даже старшее поколение не помнит о знавших удмуртский. Представление о языке складывается в результате общения с удмуртами других селений: *«В школе мы только одну-две фразы по-удмуртски от удмуртов из других деревень выучили. Помню еще такое: “Татче пукче!” (“Садись сюда!”). А нам еще в школе говорили: “экей”. Значит, удмурты. А мы и языка не знали»* (ПМА 1).

Степень бытования родного языка и языковые предпочтения отражает музыкальная и песенная культура. Удмурты владеют песенным репертуаром своих соседей. В удмуртско-татарских селениях знают татарские народные и современные эстрадные песни (Кизганбашево). Популярность песенных традиций в смешанных селениях Закамья может распределяться следующим образом – татарские–удмуртские–русские или удмуртские–татарские–русские (иногда и знание марийских песен): *“Песни больше по-татарски поем, знаем удмуртские и русские. Но больше по-татарски поем”* (ПМА 2). Удмуртско-русский репертуар, иногда с тенденцией к вытеснению удмуртского русской песенной традицией и ее поздними вариантами, наблюдается в районах с доминированием русской культуры (Дым-Дым-Омга, Виноградово, Новая Смаиль). Этот процесс не затронул или оказал незначительное влияние на обряды, где еще бытуют архаичные тексты и напевы. Например, *акашка гур* (букв. “напев обряда акашка”) исполняют во время весеннего обряда *акашка*, который совпадает с датой православной Пасхи (Виноградово, Дым-Дым-Омга), поют кафельные песни (Пор Китяк, Удмурт Китяк). Музыкальная и песенная традиция на родном языке – этнически значимый компонент; она представлена в репертуаре фольклорных коллективов (Дым-Дым-Омга, Кизганбашево).

Преподавание удмуртского языка рассматривается как возможность сохранить его в полиэтнической среде. Однако ситуация складывается по-разному и зависит от актуальности родного языка (или его утраты), наличия учителей, степени интеграции в пространство другой культуры, желания родителей и детей изучать свой язык, его использование за пределами селения. Экспозиции музейных комнат, наличие этнографических предметов в школе, учреждения культуры, сбор исторического и фольклорного материала расцениваются как способ сохранить язык, презентация своей культуры и соседей. Владение несколькими языками позволяет удмуртам легко адаптироваться за пределами этнической группы, считается позитивным явлением, если не ограничивает функционирование родного. Сохранение удмуртского языка определяется его актуальностью, историческими процессами, численностью группы, этническим окружением и даже языковыми предпочтениями соседей.

Межэтническое взаимодействие и обряды. Взаимодействие в сфере обрядовой культуры имеет разные тенденции: четко соблюдаются этнические и конфессиональные границы; участие в них соседей ограничено или наоборот – происходит активное взаимодействие. Встречаются и другие явления, когда обряды соседей, их традиция воспринимаются как свои. Разделение своих, “удмуртских”, и чужих – “татарских” и “русских” – обычаев важно при определении этнических и конфессиональных различий: *“Удмурты вечером хоронят. У татар в обед, чтоб солнце было”* (ПМА 2); *“У татар мулла на поминках читает. У удмуртов иначе проходит. Про себя что-то*

тихо говорят, когда поминают... У печки что-то в миску кладут” (ПМА 2); “Троица у нас в воскресенье бывает, а здесь – в Семьк. У них [марийцев] тоже Пасху отмечают. Но они ходят на кладбище. Мы [удмурты] – в четверг, они в среду перед Троицей. Есть разница” (ПМА 5).

В смешанных селениях часто практикуются взаимные визиты или совместное проведение обрядов:

“Что русские, что удмурты, у нас разницы не было. Здесь с русскими исключительно дружно жили. Русские, удмурты... русские идут к нам в гости, а удмурты к ним в гости. Вот по праздникам так было. Мы русские праздники здесь всегда отмечали. Удмурты к русским идут. А на удмуртский праздник... Пасху или какой-то другой, русские сюда приходят” (ПМА 7).

Пространство праздничной культуры и календарные обряды – сфера активного взаимодействия. Одновременно могут бытовать несколько календарных систем и разные обряды. Так, в Кизганбашево существует связанный с традиционным мировоззрением аграрный календарь удмуртов-“язычников”, мусульманский календарь татар, православный – у русских. Знание календарных обрядов друг друга необходимо в повседневной и праздничной жизни. Это позволяет учесть, например, пищевые запреты соседей, связанные с постом, или запрет на выполнение некоторых работ (стирка, уборка) в почитаемые дни недели (пятница у татар-мусульман), соблюдать пространственно-временные ограничения.

Взаимодействие традиций происходит и там, где удмурты и их соседи исповедуют одну религию. К примеру, удмурты и русские в Виноградово, Новой Смаили, Пор Китяке, Удмурт Китяке – православные, но удмурты отмечают некоторые праздники иначе. Так, на Пасху варят кашу с мясом жертвенного гуся: “Здесь отмечают Пасху. Удмурты называют Паска, или акашка. Гуся варят и кашу. Яйца собирают” (ПМА 5). Ее готовят на открытом огне в ограде (раньше в культовой потройке куала), но при этом “*молитву читают и крестятся. По-православному крестятся. Здесь у нас православные*” (ПМА 4). Важный элемент – обходы семей своего патронимического объединения, начиная с верховьев реки и спускаясь в низовья (Виноградово). В каждом доме исполняют обрядовый напев:

“Вверх по течению реки вначале поднимаются. Так обходят деревню. В дом заходим, поем вначале. В каждом доме поем. У Пасхи – Акашка есть своя песня... Вначале по домам вверх по течению реки, потом вниз идем. Русские по домам не ходят... К [русским] не заходим. Они по-своему празднуют здесь. На второй день Пасхи на лошадях деревню объезжаем. Это в понедельник. А мы сейчас, вместо лошади, на палку садимся и так ездим” (ПМА 7).

Обход не распространяется на “русские” хозяйства, даже несмотря на родственные и соседские связи, хотя взаимные гостевые визиты на Пасху приняты. Обряд сохранил традиционные элементы, и русские считают Пасху “удмуртским” праздником (Виноградово).

В полиэтничной среде удмурты сохранили свои календарные обряды. В них участвуют и соседи, независимо от вероисповедания. Например, в д. Виноградово, где живут православные удмурты и русские, удмуртские роши *керемет*, общедеревенское культовое сооружение *коа* посещали и русские. Эта традиция сохранялась еще в середине XX в., пока не прекратились коллективные моления:

“Удмурты с русскими были заодно. Полное согласие. Русские приходили молиться к удмуртам на керемет. Приходили. Молились как удмурты... была бадзым коа (Великая/Большая куала, место деревенского моления. – Е.П.). Там было главное моление. Внутри три-четыре котла стояло. Кашу варили, суп. Все приносили по двадцать, тридцать яиц. В отдельном котле яйца варили... И русские несут мясо, соль на это моление. И русские несут. Как мы несут, все в согласии... Перед сенокосом туда ходили. Чтоб урожай был, трава выросла. Там помолются, а через неделю косить выходили... Не было у русских [куала]. Они к удмуртам ходили молиться” (ПМА 7).

Летнее моление в священной роще *керемет* остается главным обрядом удмуртов-“язычников” д. Кизганбашево. Его посещают татары-мусульмане, представители смешанных семей, некоторые русские односельчане. Удмурты занимаются организацией и проведением моления, собирают продукты для совместной трапезы, готовят ритуальную кашу. Во время моления они находятся на главной площадке рядом со священной березой, очагами с жертвенной пищей. Представители татарских и смешанных семей дальше – на сакрально менее значимой площадке. Приносить в жертву баранов (их мясо поступает в общую трапезу), передавать полотенца и платки, которые жрецы подвешивают на священной березе, могут все семьи, независимо от религии и этнической принадлежности.

Другой важный обряд традиционного календаря кизганбашевских удмуртов – *Быдзым нунал* (Великий день)/*Паска*, приурочен к дате православной Пасхи, но сохранил традиционные элементы. Отмечают его вместе с удмуртами татары-мусульмане; местные русские празднуют православную Пасху. Жители совершают взаимные визиты. Входя в дом, удмурты желают удачного года и “счастливого Великого дня”: «“Шудо мед луоз Быдзымнал!” (“Пусть будет счастливым Великий день!”)». Главное развлечение “удмуртской” Пасхи – катание яиц, в котором участвуют все: “Удмурты Паска, Быдзымнал (Великий день) называют. Это, если на посев они выйдут, мы идем на гору с ними яйца катать. Великий день уже это! Яйца катают все. У-у! Там млад и стар, все собираются” (ПМА 2).

Удмурты готовят ритуальную кашу *быдзымнал жжук* (“каша Великого дня”), устраивают семейную трапезу, через неделю проходит обряд *кисьтон*, когда закалывают жертвенного петуха и поминают предков. Татары отмечают Пасху и *Быдзымнал* вместе с удмуртами, но *кисьтон* – обряд поминовения предков – считается только удмуртским, и они навещают соседей и родственников удмуртов:

Мужчина (татарин): Это удмурты ходят. Но мы к ним в гости приходим. (*Смеется*). Потому что одна деревня, все родня.

Вопрос: На *кисьтон* татары приходят к удмуртам?

Женщина (удмуртка): И на *Быдзымнал*, и *кисьтон*. Все ходим. У татар здесь нет Пасхи, и *кисьтон* татары не делают. А удмурты (“язычники”. – *Е.П.*), что русский праздник, что удмуртский, проводят (ПМА 2).

“В Кизганбашево четыре дома русских. К удмуртам на праздники ходим. У нас все сватовья тут. Раньше старинные люди говорили: белый свет окутается проволокой, и люди перепутаются, и железные лошади будут. Это по Библии. Лошади железные появились. И люди все уже перепутались” (ПМА 2).

Татары-мусульмане и удмурты-“язычники” знают “русские” праздники Крещение, Троицу, родительский день и “держат” их, хотя специальных обрядов не совершают, исключение – визиты к соседям и родственникам из смешанных семей. Православные праздники удмурты д. Кизганбашево считают здесь “русскими”, а мусульманские – “татарскими”. Особенности праздничного этикета удмуртам-“язычникам” знакомы, но не стали устойчивой частью обрядов. Они воспринимаются как часть другой профессиональной и этнической культуры. Это касается и Пасхи.

Женщина (удмуртка): И мы говорим: «Христос воскрес!»». Это кто не забывает. А кто забывает, ничего не говорит.

Мужчина (татарин): Пусть будет счастливым ваш Великий день! По-удмуртски говорим! Пусть будет счастливым Великий день!

Женщина (удмуртка): Христос воскрес! У меня муж татарин. Пойду, говорит, схожу [на *Быдзымнал*]. Рассказывает. Захожу: “Христос воскрес!”. Ну, говорит, удмурты. Никто не сказал: “Воистину воскрес!” Я, говорит, татарин, и то знаю, что у вас Христос воскрес! (*Смеется*) (ПМА 2).

Процессы интеграции заходят настолько далеко, что чужие обряды воспринимаются как свои. Например, татарский и башкирский весенне-летний праздник *Сабантуй* широко отмечают удмурты *Закамья*, и он стал частью современной календарной обрядности

не только удмуртов-мусульман, но и “язычников”. Кизганбашевские удмурты проводят его вскоре после ежегодного моления в священной роще керемет, и среди удмуртов деревни Сабантуй является продолжением летних обрядов. Мы наблюдаем и другую ситуацию, когда Сабантуй считается татарским праздником и отмечается совместно лишь в сельских администрациях или колхозах с преобладанием татарского населения, например, в Кировской обл. (с. Новая Смаиль). Организация и проведение праздника возложены на татар, но призы для участников состязаний передают и удмуртские, и марийские, и русские семьи. В празднике участвуют все, независимо от вероисповедания и традиций (Новая Смаиль). В регионах с преобладанием русской культуры общим праздником считается масленица, включающая элементы проводов русской зимы.

Межэтническое взаимодействие в сфере материальной культуры. Одним из факторов формирования этнической специфики в материальной культуре удмуртов смешанных селений (это касается ее сохранения и полной утраты) послужили межэтнические контакты и процессы интеграции.

Интерьер и планировка удмуртского дома и усадьбы имеет скорее региональные, а не этнические особенности. Специфика связана с объектами и предметами, отсылающими к религиозно-мифологическим представлениям и культам. Свообразие удмуртской усадьбы придавала традиционная постройка *коа/куала* – сооружение, выполнявшее культовые и хозяйственные функции (Виноградово, Дым-Дым-Омга, Пор Китяк, Удмурт Китяк). Она была в каждом хозяйстве (имелась и общественная *Быд-зым коа* – Великая/Большая *куала*). В куала находился очаг для приготовления пищи, стояли стол, скамейки; в семейной куала была и кровать (иногда широкие лавки или нары). Помещение служило летним жилищем, местом для приготовления пищи, имело культовое назначение. Здесь проводили семейные и календарные моления, в Пасху готовили ритуальную кашу. Внутри размещались хозяйственные полки, отдельно – со священными предметами. У православных удмуртов в этом сооружении в углу (иногда в обеих передних) были самодельные киоты с иконами. Входя сюда, удмурты крестятся, даже если постройка утратила культовое назначение:

“В каждом в хозяйстве были отдельные коа. Иконы отдельно на полках в коа стояли. И в доме были иконы. Инмару здесь удмурты молились. Православное это” (ПМА 7).

“Вход с северной стороны... Тут как образец [икона] наверху... Скамеечка стояла, собиралось много народу. Тут были икона, лампадка. А еще кисточки, которыми обрызгивали. Не знаю, из чего они, не задумывалась. Обрызгивать. В году три-четыре раза молились. В первую очередь, наверное, когда ходили на весеннюю пашню, перед выходом. Ну, зимой не молились там. Только летом.

– В православные праздник можно там молиться?

– Да, конечно” (ПМА 3).

Эти постройки соседи считали удмуртскими, учитывали принятые правила: крестились при входе, не прикасались к полкам с культовыми предметами. Сейчас такие сооружения сохранились лишь в отдельных хозяйствах, но нельзя проводить земледельческие работы, застраивать места их расположения. Запреты известны и соседям.

В интерьере специфика обычно связана с конфессиональными особенностями. У православных удмуртов, в отличие от изб татар, марийцев и удмуртов-“язычников”, в красном углу располагается икона. Рядом с ней находятся ветки вербы, крашеные пасхальные яйца (Новая Смаиль, Дым-Дым-Омга). Специфику дому удмуртов-“язычников”, например, в Кизганбашево, в отличие от татарской-мусульманской и русской-православной избы, придает отсутствие культовых предметов в интерьере:

Женщина (удмуртка): «У нас в домах икон нет, вот отличие. Можно историю расскажу? Цыганка, как-то, пришла. Говорит: “Бабка, что у вас икон нет что-ли?” – Нет, мол. Зачем? В лес идем, молимся (летнее моление в священной роще керемет. – Е.П.). – Цыганка спрашивает: “Куда молитесь?” – В лес идем, молимся. На елку. – Цыганка: “Что каждый день в лес ходите молиться?” – Нет. В год раз. – Цыганка: “Как это так?” (Смеется). Они иконы ходили, искали» (ПМА 2).

Иная ситуация у отатарившихся гарибашевских татар/башкир, бывших удмуртов. В отличие от удмуртских изб округи в их домах у входа и на стенах вывешены тексты из сур Корана, мусульманские календари, фотографии известных мечетей и мусульманских святых. В удмуртской части деревни встречаются наличники с полумесяцем, заменившие солярную и советскую символику – пятиконечную звезду, изображение голубя мира (ПМА 1).

В повседневную культуру удмуртов проникают предметы, которые воспринимаются как “татарские” и “мусульманские”. Например, кизганбашевские удмурты “язычники” используют кунган как обязательный предмет личной гигиены. Более того, кунганы для омовения лица и рук, а также монет, предназначенных для моления, используют на “языческом” молении в священной роще керемет. Они стоят в трех местах на площадке для моления, у границы, разделяющей участников обряда и пространство, где находятся очаги и священное дерево. Воду в кунган набирают в почитаемом удмуртами карстовом озере (ПМА 2).

Межкультурное взаимодействие определило специфику в традиционном костюмном комплексе удмуртов. Наблюдаются разные процессы: от частичных заимствований (татарского камзола, тюбетейки, обуви) до полной утраты этнических особенностей и костюмного комплекса. Например, это произошло у гарибашевских удмуртов: “*ходим по-татарски*”, “*одежда здесь татарская вся*”. Представление о традиционной удмуртской одежде формируется в результате контактов с жителями других селений, где костюмный комплекс бытует как праздничный и ритуальный. Наиболее характерный элемент современного мужского костюма в Гарибашево – татарская тюбетейка. Женщины старшего поколения носят повязанный “по-татарски” платок, платье татарского кроя, вышитый передник с грудкой. Эти костюмные комплексы хранятся как семейная реликвия, в них ходят на службу в мечеть, они представлены в школьном музее, являются сценической одеждой фольклорного коллектива. Такая одежда отличает местных отатарившихся удмуртов от жителей соседних удмуртских селений (ПМА 1).

Удмуртский костюмный комплекс и его бытование имеют значение и сегодня, особенно при утрате других этнически значимых компонентов культуры:

«Старые костюмы сохранились, но в таких одеждах уже не ходят. У марийцев, удмуртов хранятся... Они носят в особых случаях. Раньше на свадьбы, а сейчас нет. В 1980-е еще удмурты носили свою одежду, сейчас только на выступления. В “старинной” одежде удмурты хоронят стариков» (ПМА 5).

“Раньше все в белом на моление ходили. В белом платке, халате из холста (традиционный распашной кафтан. – Е.П.), чулках. В этой одежде хоронили их потом” (ПМА 2).

Традиционная одежда или ее элементы используются во время праздников, выступлений на клубной сцене, гостевых визитов, изредка свадьбах (Новая Смаиль, Дым-Дым-Омга). Они представлены в экспозициях сельских и школьных музеев, хранятся как семейные реликвии.

Наиболее консервативной сферой остается пища, несмотря на заимствования, изменения в культуре питания. Это касается этикета, пищевых предпочтений, технологий приготовления, обрядовых блюд удмуртов. Кухня делится на “свою” и “чужую”. Этническая специфика сохраняется в обрядовой кухне, этикете: «*Кашу варим уже в Пасху. Это в Быдзымнал. Называется “каша Великого дня”. Потом бывает кисьтон (поминование предков, проходит через неделю после Пасхи. – Е.П.). В тот день петуха режут и снова кашу варят. Это у удмуртов, у татар такого нет*» (ПМА 2).

Приготовление ритуальных блюд, общая трапеза всех жителей деревни – важный элемент летних молений удмуртов в роще керемет (Кизганбашево). Продукты (крупы, соль) для общей каши передают удмурты, татары и русские.

Удмурты могут полностью утратить особенности своей кухни, даже ее ритуальные блюда. Например, у гарибашевских удмуртов кухня представляет местную татарскую традицию. В числе популярных национальных блюд выпечка – *белиш*, *чак-чак*,

колбаса из конины *курлы*, напиток *кумыс*. Единственное отличие, как считают жители, это гарибашевская традиция готовить *шэньге* (шаньги) – открытый пирог с начинкой: *“Пекут шэньгэ (шаньги). Гостей принимают. Здесь их всегда стряпают. Делают с молозивом, картофелем. Повелось так: татары пекут обычно блинчики, а гарибашевцы шаньги. В основном в нашей деревне этот обычай. Гарибашевские – это удмурты, у них шаньги остаются”* (ПМА 1).

Удмуртам знакомы пищевые запреты и предпочтения соседей, что позволяет учесть это в повседневной жизни, грамотно сочетать разные этикетные нормы и предпочтения. Многие различия связаны с религиозными предписаниями, но часто воспринимаются как этнические: *«У татар здесь такой обычай: в доме, где есть покойник, там нельзя есть, пить. Только спустя три дня. Третий день называется. Спиртное не принимается, “горюй про себя”»* (ПМА 6).

Совместная праздничная и обрядовая трапеза – частое событие, если установились соседские и родственные отношения. Очень важно уметь “вписаться” в иную культурную традицию. Обычно этот опыт нарабатывается в ходе обрядов, гостевых визитов, повседневного общения, путем наблюдений, а порой – взаимных советов и консультаций: *«Удмурты, если на татарских поминках, как татары все делают. Говорят: “Аллах акбар!”. Все это вместе с татарами»* (ПМА 2).

Женщина (удмуртка): У нас все понимают. Как себя вести, что делать все знают.

Мужчина (татарин): Там ничего не надо делать. Сиди тихо, молча.

Женщина (удмуртка): Запоют, так мы тоже запоем, да...

Мужчина (татарин): Что они делают, то и мы делаем (ПМА 2).

Мужчина (татарин): «У удмуртов (“язычников”. – Е.Л.) вечером на поминки собираются, а у татар в час или два. Татары балиш готовят. Удмурты в основном барана закалывают. Отмечают три дня, семь, 40 дней, год. У татар мулла молитву читает, а у удмуртов делают все у печи. Тарелка около устья печи стоит, туда у нас бросают кусочки от выпечки и блюд. Выносят потом в такое место. Втроем выходят выносить. У одного в руках нож. Один с тарелкой, у третьего полотенце. Провожают покойного. До этого момента пришедшие не расходятся» (ПМА 2).

Удмурты на свадьбы, похороны и поминки, рождение ребенка приходят с блюдами и ставят их на общий стол. У татар нет такой традиции, поэтому соседи знают и учитывают эту особенность:

Женщина (удмуртка): У нас у удмуртов на поминки трех сортов несут. Три. Это чай,... удмурты. Сами несут на поминки к знакомым. Удмурты несут, а у татар сами все готовят. У татар никто не несет. Они только приходят. Нет, не несут.

Мужчина (татарин): Обязательно [на поминки] куймак в мешочке, шаньги в мешочке несут [удмурты]. Яйца, чай еще конфеты. Татарские шаньги (татарлар шэньгэ) в мешочке... На стол ставим сразу. Вот, например, принесли шанежки. Сразу можно на стол. Конфеты если, сразу на стол. Если пачку чая, оставляем, они потом убирают.

Вопрос: А спиртное у вас носят на поминки?

Женщина (удмуртка): Да, носят. У удмуртов носят.

Мужчина (татарин): У татар нет. Аллах акбар... Аллах запрещает (ПМА 2).

В смешанных селениях и семьях, где живут представители разных религий, учитываются пищевые запреты и предпочтения, постоянно идет поиск компромиссного решения. Женщина-удмуртка: *“Татары свиней не держали. Свекровь и сейчас не держит. Я у свекрови разрешение спрашивала. Можно ли мне свиней держать. Она разрешила. Но доской и ножом, которыми разделявали и готовили свинину, ничего не разрешала резать”* (ПМА 2).

Татары, соблюдая запрет на свинину, обычно держат их для продажи соседям удмуртам или русским: *“Татары держат свиней только на продажу. Деньги, когда надо, но не на еду. Раньше татары свиней не держали. Татары здесь не едят свинину. Удмурты держат и едят”* (ПМА 2).

Межкультурные заимствования внесли специфику в кухню, определили ее заметное отличие от традиций удмуртов других регионов. Например, популярные блюда башкирской и татарской кухни – супы с лапшой, блюда с кониной, хлебные изделия *чак-чак*, *баурсак*, *белиш*, *бишбармак*, *куймак* давно стали частью национальной кухни удмуртов Закамья. Наиболее активно такие заимствования происходят в смешанных селениях и семьях. В меньшей степени процесс затронул ритуальную кухню.

В смешанных селениях происходят разные формы взаимодействия соседствующих народов. Они могут привести к сохранению и консервации этнически значимых элементов культуры удмуртов, полному заимствованию традиций соседней или коснуться только отдельных параметров. Опыт соседства затрагивает небольшой сельский социум, в пределах которого идет непрерывный межкультурный диалог, выстраиваются отношения в социальной и культурной сферах, происходит определение собственной идентичности. Все эти ситуации удмурты – жители смешанных селений – решают, переживают и проживают постоянно.

Источники и литература

- Владыкин* 1970 – *Владыкин В.Е.* К вопросу об этнических группах удмуртов // Сов. этнография. 1970. № 3. С. 37–47.
- Кельмаков* 1970 – *Кельмаков В.К.* Кукморский диалект удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Кельмаков* 1974 – *Кельмаков В.К.* Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка // Сов. тюркология. 1974. № 3. С. 52–60.
- Коростелев* 2007 – *Коростелев А.Д.* Вместо заключения // Мы и как удмурты, и как чуваша... Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях. М., 2007.
- Косарева* 2000 – *Косарева И.А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов (косинской, слободской, кукморской, шошминской, закамской) в конце XIX – начале XX в. Ижевск, 2000.
- Крюкова* 1967 – *Крюкова Т.А.* Этнокультурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья по данным материальной культуры // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4. Ижевск, 1967.
- Лойко* 1990 – *Лойко Л.М.* Финно-угорские и тюркские элементы в традиционно-бытовой культуре бавлинских удмуртов // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 152–157.
- Миннихметова* 2000 – *Миннихметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000.
- Наиболее важные... 1912 – Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / Под ред. епископа Андрея бывшего Мамадышского, ныне Сухумского, и преподавателя этнографии Н.В. Никольского. Казань, 1912.
- Насибуллин* 1972 – *Насибуллин Р.Ш.* Закамские говоры удмуртского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
- Национальный состав... 2004 – Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 4. Кн. 1. М., 2004.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. 2008 г. Республика Башкортостан, Татышлинский р-н, д. Гарибашево.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. 2008 г. Республика Башкортостан, Балтачевский р-н, д. Кизганбашево.
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. 2008 г. Кировская обл., Малмыжский р-н, д. Удмурт Китяк.
- ПМА 4 – Полевые материалы автора. 2008 г. Кировская обл., Малмыжский р-н, д. Пор Китяк.
- ПМА 5 – Полевые материалы автора. 2008 г. Кировская обл., Малмыжский р-н, с. Новая Смась.
- ПМА 6 – Полевые материалы автора. 2008 г. Кировская обл., Вятскополянский р-н, д. Дым-Дым-Омга.

- ПМА 7 – Полевые материалы автора. 2008 г. Кировская обл., Вятскополянский р-н, д. Виноградово.
- Попова 2007 – Попова Е.В.* Удмурты в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: тенденции и механизмы этнокультурного взаимодействия // Мы и как удмурты, и как чувашы... 2007. С. 112–144.
- Садиков 2001 – Садиков Р.Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001.
- Садиков 2006 – Садиков Р.Р.* Закамские удмурты: история формирования этнографической группы // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамики расселения народов Башкирии. М., 2006. С. 165–177.
- Садиков 2007 – Садиков Р.Р.* Межконфессиональное взаимодействие в этнически-смешанных поселениях: на примере Башкортостана и Татарстана // Мы и как удмурты, и как чувашы... 2007. С. 145–168.
- Смирнова и др. 2008 – Смирнова, Губогло и др.* Феномен Удмуртии. Т. 8. Удмуртская диаспора. М.; Ижевск, 2008.
- Списки... 1877 – Списки населенных мест Российской империи. Т. 45. Уфимская губерния. СПб., 1877.
- Тараканов 1982 – Тараканов И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск, 1982.
- Тараканов 1993 – Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь. Ижевск, 1993.
- Христолюбова, Миннихметова 1994 – Христолюбова Л.С., Миннихметова Т.Г.* Удмурты Башкортостана (история, культура, современность). Уфа, 1994.
- Чагин 2005 – Чагин Г.Н.* Чувство родины, личностная и социальная идентичность удмуртов Пермского Прикамья // Диаспоры Урало-Поволжья: Матер. межрегиональной науч.-практ. конф. (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.) Ижевск, 2005. С. 53–59.
- Черных 1995 – Черных А.В.* Межэтнические взаимоотношения в Южном Прикамье (на примере календарной обрядности куединских удмуртов) // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России: Тез. докл. Пермь, 1995. С. 165–167
- Черных 2005 – Черных А.В.* Основные составляющие этнического самосознания куединских удмуртов в конце XIX–XX вв. // Диаспоры Урало-Поволжья... С. 207–212.
- Черных 2006 – Черных А.В.* Межэтническое взаимодействие как фактор формирования специфики традиционных культур народов Прикамья // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Матер. I Межрегиональной конф. и VII Междунар. школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. Ижевск, 2006. С. 32–38.
- Шеда-Зорина 2005 – Шеда-Зорина И.М.* Влияние иноэтничного и иноконфессионального окружения на формирование самосознания закамских удмуртов в XV–XIX вв. // Диаспоры Урало-Поволжья... С. 82–87.
- Шеда-Зорина 2007 – Шеда-Зорина И.М.* Удмуртская диаспора в субъектах федераций различного типа (на примере удмуртов Пермской и Кировской областей, Республик Башкортостан, Татарстан и Марий Эл). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007.
- Ягафова 2007 – Ягафова Е.А.* Чувашы в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: ситуация межэтнического взаимодействия в Восточном Закамье // Мы и как удмурты, и как чувашы... С. 63–93.

E. V. Popova. The Udmurt in Ethnically Mixed Settlements of Ural-Povolzhie: An Experience of Neighborhood

Keywords: ethnic interaction, Ural-Povolzhie, Udmurt, ethnically mixed settlements, identity, adaptation process

The article focuses on the issues of spatial orientation of ethnically mixed settlements, Udmurt identity, marriage circles and preferences, language orientation and the functioning of the native (Udmurt) language, and the interaction between the Udmurt and other peoples, which is reflected in the realm of rites and material culture.